

Николай Рубцов

ВИДЕНИЕ НА ХОЛМЕ

Взбегу на холм
и упаду
в траву.
И древностью повеет вдруг из дола!
И вдруг картины грозного раздора
Я в этот миг увижу наяву.
Пустынный свет на звездных берегах
И вереницы птиц твоих, Россия,
Затмит на миг
В крови и в жемчугах
Тупой башмак скуластого Батя...

Россия, Русь — куда я ни взгляну...
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избушки, и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шепот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя...
Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.
Они несут на флагах черный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов
в окрестностях

России.

Кресты, кресты...

Я больше не могу!
Я резко отниму от глаз ладони
И вдруг увижу: смиренно на лугу
Траву жуют стреноженные кони.
Заржут они — и где-то у осин
Подхватит эхо медленное ржанье,
И надо мной —
бессмертных звезд Руси,
Спокойных звезд безбрежное мерцанье...

Василий Старостин

СЛОВО О КОЛОВРАТЕ

(Отрывок из поэмы)

Не гроза на грозу поднималась,
Не гроза грозу догоняла,
Поднимался неистовый Евпатий,
Догонял, настигал он с дружиной
На земле на Суздальской Батыгу.
Налетел на Батыевы станы,
Словно снег на голову свалился.

И страшливые мысли-догадки
Завладели татарскими мозгами:
«Эти русские пришли из Рязани!
Из Рязани, в которой остались
Только мертвые, только трупы!
Неужели мертвые могут
Восставать из мертвых и биться?»

Впереди — Коловрат — всех смелее.
Скачет он по татарам поганым,

Самых сильных сам порубает,
Послабее — другим оставляет.
Как снопы на току, рядами
Полегают татары за Евпатьем.

И воскликнул соратникам Евпатий:
«Братья! Славная моя дружина!
Нам ли нынче над врагом не посмеяться:
Невеликой нашей дружине
Честь великая оказана Батыем;
Поглядите, стеноломные снасти,
Будто супротив крепости, он двинул,
Видно, стали мы каменной стеною
На дороге поганому хану».

Геннадий Серебряков

БОБРОК

Слышней татарский крик надсадный,
Ужель предтучат торжество?..
И глухо ропщет полк засадный
На воеводу своего.

Храпят встревоженные кони,
На битву близкую косясь...
— Доколе ждаться-то нам?..
— Доколе?..
— Аль за себя страшишься, князь?.

Легко ль таким речам внимая,
Глядеть вперед из-под руки
Туда, где конница Мамаю
Теснит Димитрия полки.

Легко ль, ломая в гневе брови,
Терпеть хулу тебе, Боброк,
И, губы искусавав до крови,
Вновь с болью выдохнуть:
— Не срок!..

Легко ль тебе стоять за гранью
Погибели, косящей сплошь.
И усмирять
Тяжелой дланью
Коня воинственную дрожь?

Легко ли, позабыв молитвы,
Следить за натиском Орды?
Уже весы великой битвы
Качнулись
В сторону беды.

Какими же глядеть глазами
Туда, где Русь едва жива,
Где черно-золотое знамя
Сечет наотмашь татарва?

Глядеть туда и, унимая
Себя, сглотнуть соленный ком,
И ждать,
Пока Орда Мамаю
Увязнет в сече целиком.

Ждать и решительно, и грозно,
Как бы смертельный дав зарок,
Чтобы не рано и не поздно,
Чтобы ударить
Точно в срок.

Да так ударить, чтобы разом
Земля качнулась на оси.
Храни, Боброк, холодный разум
Во имя завтрашней Руси.

Терпи и тяжкий взор собрата,
И дерзкий выкрик, и попрек,
За это ворогу расплата
Грядет...
А ты терпи, Боброк.

Чтобы потом в кромешной сече
Орде все боли возместить,
Лишь где-то у Красивой Мечи¹
Свой меч усталый опустить.

И в славе поля Куликова,
Которой не отмерян срок,
Сольется
С мужеством Донского
Твое терпение, Боброк!

Марина Спиридонова

КОЛОМНА

Безоблачно синела твердь.
Играло солнце мутным бродом.
Бок о бок — Кострома и Тверь
Всходили, шумные, к воротам.

И всё — чем ближе, тем длинней —
Попоны, стяги и подводы,
Тяжелый ступ сумных коней
И гарцеванье воеводы —

С блистанием студеных рос
В щетинной клади копий, сабель
Шли — за обозами обоз —
Ростов, Владимир, Ярославль...

Оглобель тыщи, рук и грив,
На всем следы дорожной пыли —
Возами стан огородив,
Коней в Коломенке поили.

Высоким заревом костров
Руси воспрянувшей, единой
Под вечер выкрасило в кровь
Стены уступы и щербины.

Вторгался в оклики и речь
Протяжный — пробный — голос трубный.
К руке примеривали меч.
Переговаривались бубны.

И день настал не торопясь...
Блистая сомкнутой дружиной,
Оглядывал Великий Князь,
Как зоркий сокол, недвижимый —

В слепящей солнечной пыли,
Ночных стоянок едком дыме —
Полки князей своей земли —
Самой земли необозримей...

¹ Русские гнали остатки разбитой Орды 40 верст, до берегов Красивой Мечи.

Качнулись, вздрогнули, снялись.
Как реки радужные — вскрылись.
И вихри пыльные взвились
И долго-долго не садились.

Вились — покуда не слились
С золотой чертой осенней дали.
И медленно туманы встали
И в тучи пепельно сошлись.

Сокрытая — блеснула твердь
В тумане канувшего следа:
Там крылья распростерла смерть.
Но выше реяла победа.

Иван Бунин

ПОСЛЕ БИТВЫ

Воткнув копьё, он сбросил шлем
и лег.
Курган был жесткий, выбитый.
Кольчуга
Колола грудь, а спину полдень
жег...

Осенней сущью жарко дуло с юга.

И умер он. Окостенел, застыл,
Припав к земле тяжелой головою.
И ветер волосами шевелил,
Как ковылем, как мертвою
травую.

И муравьи закопошились в них...
Но равнодушно все вокруг
молчало,

И далеко среди полей нагих
Копье, в курган воткнутое,
торчало.